

ПОРТРЕТ

Мы часто скупимся на возвышенные слова. Почему бы в Новый год не пожелать самим себе, чтобы они чаще приходили к нам, когда мы встречаемся с большим искусством и большой личностью в нем?

Звездный час балерины

ФОТО ДМИТРИЯ КУЛИКОВА

Жизель.

Когда часы таинственно и неумолимо отбивают последний удар и так же таинственно и незаметно наступает новый день, новый год, все в мире вдруг меняется, а одни чудеса уступают место другим.

Начинают увеличиваться в размере сами напольные часы, пока не упрутся в потолок, огромными становятся кресла, диваны, а елка, украшенная новогодними игрушками, — так та просто прорезает крышу дома и уходит в звездное небо. Это «Щелкунчик» — балет Чайковского, вот уже больше двадцати лет идущий на сцене Большого театра в постановке Юрия Григоровича и декорациях Симона Вирсаладзе. Может быть, самый светлый и самый грустный балет в мировой балетной литературе и своей сценической жизни. От него без ума дети, и всегда замирает душа у взрослых. Часто ли нам вот так, наяву, удастся встретиться со своим детством, его мечтами, его чистой, незамутненной верой в справедливость, красоту, рыцарскую порядочность, любовь?!

Я думаю, это самый светлый и трепетный балет в репертуаре и балерины Натальи Бессмертновой, что была в свое время одной из первых исполнительниц роли Маши. Девочки, которой в новогоднюю ночь приснился сон о будущем, а когда она проснулась, то с грустью узнала, что это был всего лишь сон, а с ним ушло и детство.

Жизнь балерины состоит из тяжелой и одинаковой работы: тренировочный класс, репетиции, спектакли. Это длится столько, сколько ты танцуешь на сцене. Но этим жизнь не ограничивается.

Еще балеринам снятся сны. Увы, такая уж профессия, и во сне они танцуют. Иногда — до кошмара неудачно, когда ничего не получается. И все — провал, позор, непоправимая ошибка. Но когда во сне они танцуют прекрасно, нет предела их воздушному полету.

Когда жизнь и сон совпадают — это артистическое счастье. И не приходится себя потихоньку ущипнуть, чтобы проверить — жизнь это или сон, и не приходится мучиться, вспоминая, как же было там — в мечтах, в счастливом чувстве невесомости, в гармонии несбыточной единственности проявления искусства. В жизни артиста так не бывает, потому что сны начинаются и кончаются, а жизнь течет без перерывов. Но в жизни артиста бывает то, что не приснится ни в каком сне.

Он выходит на сцену одним, а через несколько мгновений, пусть и по своей воле, его «я» растворяется в «я» персонажа, и актер начинает жить новой жизнью, забывая про себя самого, про все то, что было прежде.

Однажды я смотрел «Ромео и Джульетту» из ложи театра, нависающей над сценой, и буквально с нескольких метров видел распростертую на полу Джульетту — Бессмертнову, потерявшую своего возлюбленного. Ее лицо заливали слезы, беззвучные рыдания сотрясали тело, и чувство потрясения — до мурашек по спине — охватило меня, будто соприкоснулся я с первородством страданий шекспировской героини, никогда прежде не виданным — ни в театре, ни в кино, ни в балете.

Позже, через какое-то время, я рассказал Наталье Бессмертновой о том своем чувстве и о ее слезах, а она в ответ рассмеялась и ответила, что никаких слез не было — нельзя одновременно танцевать и плакать. Ей, наверно, и правда, виднее, но я готов, как в детстве, поднять руку в честной пионерской присяге: я это видел своими глазами.

Я — балетный зритель со стажем, видел дебютные спектакли Натальи Бессмертновой, все ее премьеры в Большом театре, ее спектакли на сценах Лондона и Парижа, Вены и Висбадена. И ловлю себя на том, что если реально представить себя в конкретном зале, как в той ложе, нависающей над сценой, то в каждом спектакле я вспомню ту единственность исполнения, которая его и отличает.

Но если подумать как следует, то дело не в единственности исполнения, а в единственности той жизни, которой балерина живет на сцене.

Она растворяется в роли без остатка, и часто это происходит как бы помимо ее воли. Вот она танцует роль Фригии в «Спартаке». Окончена вариация, в которой балерина посылает зрителям и разлученному с ней Спартаку всю боль своей души. Актриса легким бегом кажется, не касаясь пола, выпархивает за кулисы.

Тяжело дышит, и никак не получается набрать воздуха в легкие. Дыхание срывается, и видно, как пульсирует сердце сквозь невесомую ткань хитона. Костюмерша марлевым тампоном промокает ей лицо. Балерина пристраивается на коленях на крохотной скамейке — ей так удобнее, чтобы отдыхали ноги. Она опять смеется и говорит мне о чем-то, совсем не относящемся к спектаклю. Я внутренне удивляюсь такому переходу, кажется, что трагичность Фригии должна остаться с балериной и за кулисами. Потом я понимаю, что если бы было так, то именно это и было бы неправдой, тем, что называется «сделанностью» роли. Она Фригия — там, где Древний Рим, где Спартак, где жестокий Красс.

Она — уставшая актриса в крохотности закулисного пространства, в укромном уголке, куда не проникает зрительский взгляд. К зрительскому восприятию это не имеет никакого отношения. Перед ним на сцене появляется звезда, перед ним появляется персонаж балетной пьесы. И это единственная правда сценической жизни актера.

Но вспоминаю, например, такой эпизод. Несколько лет назад в западногерманском городе Висбадене международный фести-

валь искусств открывался спектаклем Большого театра — все тем же «Ромео и Джульеттой». В ложах сидели почетные гости — премьер-министр и другие руководители земельного правительства, а среди них американский генерал, командующий авиабазой на этой земле, — теперь там, наверно, уже установлены и ракеты. Я смотрел спектакль и невольно проецировал на него ситуацию, думал не только о семейных расприх Монтекки и Капулетти, а о противостоянии миров, образов мысли, образов жизни. После спектакля овация длилась не меньше получаса, а потом был прием.

Хозяевам, а среди них и американский генерал чувствовал себя хозяином, представлял исполнителей главных партий. И я увидел изумление на лице американского генерала, когда ему сказали, что эта хрупкая, улыбающаяся женщина — исполнительница роли Джульетты балерина Наталья Бессмертнова. Я видел близко его глаза и еще раз готов поручиться — теперь уже в других обстоятельствах, — что он думал в этот момент и о Монтеки, и о Капулетти, и о противостоянии миров. Я видел в его глазах восхищение, но и сомнение тоже.

В чем? Пусть это каждый решает для себя.

Тот факт, что искусство расширяет представление о жизни и служит делу взаимопонимания — не банальность. Это истина, тем более когда как бы видишь процесс ее постижения.

Я видел английские театры, аплодирующие балету «Золотой век», спектаклю, насквозь пронизанному утверждением ценностей нашей жизни. В нем Наталья Бессмертнова исполняет роль танцовщицы Риты-Марго, которая находит свое счастье, пройдя через страдания, через рубикон жизни и смерти. И даже в оптимистическом финале еще сквозят нотки этого невероятного преодоления обстоятельств жизни. И не одних обстоятельств, а тоже двух взглядов на мир — буржуазно-потребительского и связанного с оптимизмом надежды нового мира, рожденного революцией. И я видел, что зал аплодировал не только мастерству артистов, но и этому миру, который возникал у них на глазах в чистоте и правде порывов. Зритель аплодировал не просто спектаклю, а советскому спектаклю, нашему взгляду на жизнь.

Это дорогого стоит.

Когда-то, в шестидесятых годах, Англия была первой страдой, открывшей балерину Бессмертнову. Была даже такая рецензия, где говорилось, что если бы балет вдруг неожиданно умер, то все равно зрители уже бы навсегда запомнили руки Бессмертновой. Нынешним летом английская публика могла с радостью наслаждаться новым знакомством с полюбившейся ей балериной, я видел, как в «Ковент-Гардене» буквально в течение антракта был распродан тираж книги о ней, выпущенной английским издательством к гастролем Большого театра.

Прошедший год был невероятно насыщенным для Бессмертновой — она танцевала в Аргентине, Бразилии, Австрии, Ирландии, Англии, Франции, Голландии. Несколько месяцев почти непрерывных гастролей.

Я писал, что балеринам снятся сны. Но какой сон сравнится с явью! 22 апреля в Буэнос-Айресе, в знаменитом театре Колон, закончился гастрольный спектакль Большого. Летели на сцену лепестки роз, зал неистовствовал, но потом в тишине, к которой призвал вышедший на сцену распорядитель, прозвучали слова: «Только что пришло сообщение из Москвы, что балерине Наталье Бессмертновой присуждена высшая в Советском Союзе премия — Ленинская». И овация потрясла театр с новой силой.

Это был звездный час балерины, ни с чем не сравнимый зов Родины, преодолевший моря и океаны. Потом были тревожные дни, особенно тревожные за рубежом, когда эхо Чернобыля заставило сжаться сердце.

Тогда, наверно, балерина и решила всю денежную часть Ленинской премии передать в фонд Чернобыля. Она сделала это просто, по велению души, и далеко не все об этом знают: была крохотная заметка в одной из газет. Просто написала заявление в Комитет по Ленинским и Государственным премиям.

Поступим и мы, как поступила она, — просто, лишь подчеркнув еще один звездный час единства народной артистки со своим народом.

Она его полномочный полпред в искусстве. И вспоминая ушедший год, приведу лишь несколько выдержек из рецензий французских газет во время осенних гастролей там Большого театра.

«В составе труппы Наталья Бессмертнова, вне всякого сомнения, является сегодня одной из самых великих балерин мира, она получила в Париже премию Анны Павловой» («Юманите диманш»).

«Наталья Бессмертнова так прекрасна, так волнующе поэтична, что кажется, будто мы видим реконструированную картину спектакля прошлого века, где она предстает перед нами в образе одной из самых легендарных исполнительниц Жизели» («Фигаро»).

«Душа Парижа всегда вместе с Большим. С радостью мы снова встретились с Натальей Бессмертновой, еще более прекрасной и удивительной, чем когда бы то ни было, в роли Риты в «Золотом веке» («Парижен»).

Мы часто скупимся на возвышенные слова. Но почему бы в Новый год не пожелать самим себе, чтобы они приходили к нам, когда мы встречаемся с большим искусством и большой личностью в нем, такой, как Наталья Бессмертнова. А ей пожелать, чтобы снились балетные сны... Но в жизни было бы во сто крат прекраснее.

АЛЕКСАНДР АВДЕЕНКО.